

Ю.К. Щюцкий

Жизнеописание

"Жизнеописание" было написано Ю.К.Щюцким в 1935 г. по просьбе академика В.М.Алексеева и легло в основу составленной последним "Записки о научных трудах и научной деятельности профессора-китаеведа Юлиана Константиновича Щуцкого" (Алексеев В.М.Наука о Востоке. М., 1982, с. 89–93). Отдельные выдержки из "Жизнеописания" были опубликованы В.В.Петровым в примечаниях к "Записке" В.М.Алексеева (Алексеев В.М.Наука о Востоке, с. 399–400, примеч. 2) и Н.Ю.Грякаловой во вступительной статье к подборке стихотворений Е.И.Васильевой, посвященных Ю.К.Щюцкому (Русская литература. Л., 1988, №4, с. 201–204). Машинописная копия "Жизнеописания" под названием "Автобиография" и с датировкой 25 января 1935 г. хранится в Архиве РАН в Санкт-Петербурге (ф. 820, оп. №4, ед. хр. №161). В нашей публикации "Жизнеописания" опушено начало (объемом в машинописную страницу), в которой автор, говоря о себе в третьем лице, сообщает формальные данные, указанные нами в "Краткой биографии Ю.К.Щуцкого" более подробно. Нами также в нескольких случаях поправлена или осовременена орфография и проведена более дробная разбивка на абзацы. (Из предисловия к книге Китайская классическая «Книге перемен»)

<...> В порядке неофициальной биографии могу сообщить следующее о ходе развития своих интересов.

Самое сильное увлечение в моей юности – это музыка, особенно Скрябин и позже Бах. Меня больше занимала теория композиции, чем исполнительство. В последнем я никогда не достигал чего-либо достойного внимания. В период 1915 – 1923 гг. написана большая часть музыкальных произведений. Все они потеряны(1). Вряд ли возможно возобновление занятий композицией, т.к. для этого необходимо жить в музыке, а на это по ходу моей теперешней жизни нет времени. В порядке некоторой роскоши позволяю себе лишь иногда, особенно для отдыха от работы, играть на фисгармонии или на лютне. Второе по времени и значению в моей жизни искусство – это поэзия. Начало занятий ею – 1918 г. Серьезно к этим занятиям я не отношусь. Единственный реальный результат – это овладение поэтической техникой, которую применяю только как переводчик. Занимался я также и живописью, но настоящей живописной школы не имею, если не считать занятий иконописной техникой, которой недолго в 1923 г. занимался под руководством мастера Русского музея Ильинского. Занимался также гравюрой на дереве, но теперь не могу

продолжать этих занятий из-за зрения. Участвовал в выставке при Русском музее в 1927 г. Вот и все мои художественные занятия.

В китаеведной области основной интерес – это философия Китая и японских эпигонов конфуцианства. Эти занятия, однако, не являются результатом силы, а скорее наоборот: слабости. Дело в том, что ни на одном языке (включая и русский) я не способен читать очень быстро. Привычка думать над прочитанным слишком сильно замедляет темп чтения, настолько, что изучение, например, романа или новеллы, требующее быстрого и экстренного чтения, для меня совершенно недоступно. При чтении же философов медленный темп чтения не так мешает, а размышления над прочитанным даже помогают. Есть еще и другая причина занятий философскими текстами: врожденная и сознательно культивируемая поныне любовь к мышлению. Основным недостатком в этой области является то, что могу считать себя самое большее философом-любителем, а не специалистом. В китайской философии наибольший интерес вызывает у меня не древняя чжоуская плеяда философов, а средневековые: начиная от Гэ Хуна и кончая Ван Шоу-жэнем(2). Написать дельную монографию о последнем – мое давнее желание. Интерес именно к средневековым авторам, может быть, коренится в том, что они гораздо менее известны, чем философы Чжоу, о которых пишут все, списывая друг у друга. Кроме того, достоверность средневековых даосов и конфуцианцев как ближайших хронологически превышает достоверность доциньских авторов в значительной мере. С изучения средневековья я и начал, но в процессе самой работы убедился, что невозможно миновать чжоуских классиков китайской философии. В свете этого понятны мои занятия "Книгой перемен". Но на все эти занятия смотрю лишь как на пролегомены.

При занятиях философией Китая, и именно в самой трудной части работы историка философии – в изучении терминологии (это было с Чжоу-цзы(3)), я пришел к необходимости взяться за лингвистические исследования для установления этимологии, ибо словари в этой области скорее сбивают с толку, чем помогают. Отсюда мои занятия и увлечение яфетидологией(4). Впоследствии они переросли в самостоятельные лингвистические интересы (1929 г.). Последние три года в центре научного внимания стоит опять китайская философская литература, а лингвистический цикл в известном смысле завершен. Но я все же не жалею времени, потраченного на мое полиглотство, на знакомство с языками: маньчжурским, корейским, аннамским, кантонским, бирманским, бенгали, хиндустани, арабским, древнееврейским (японский не включаю в этот список, так как он – моя вторая специальность и важнейшее орудие производства). Я очень благодарен т. Чатопадхья, который раздобыл для меня из Бирмы ряд книг и словари, и надеюсь в свободное время двинуть дальше занятия Бирмой. До сих пор не могу дать себе отчет: почему меня привлекает к себе Индокитай. Вероятно, интересна сложность культуры его, ибо в нем слились две классические культуры: Китая (в материальной жизни) и Индии (в духовной). Из-за интереса к китайскому средневековью стою перед необходимостью заняться китайским буддизмом.

* * *

Мой отец: по специальности ученый-лесовод, кончил лесную академию в Новой Александрии под Варшавой. Научной работой никогда не занимался. По мировоззрению был типичен для своего времени: остатки традиционных религиозных привычек, на время (до наступления старости) почти вытесненные естественнонаучным образованием. В этическом отношении человек весьма стойкий, больше думавший о благе семьи, чем о своих личных удобствах. Так, чтобы иметь возможность дать нам образование в Петербурге, он принял громадное Енисейское лесничество и сам был вынужден жить в селе Шушенском, которое было местом ссылки Ленина. Это добровольное изгнание окончательно подорвало его, в то время уже не крепкое здоровье.

Моя мать: по специальности учительница французского языка и рояля, в области

мировоззрения начала с модного в ее молодости атеизма, но после длительного периода мрачной меланхолии, вероятно навеянной и музыкой Шопена и Чайковского, достигла живого и поныне углубленного устремления к действенной и активной в каждую минуту духовной жизни.

Я родился (вторым ребенком) в воскресенье 10/23 августа 1897 г. в 10 ч. утра под благовест в Екатеринбурге. Мое детство прошло в среде, пронизанной свободой и любовью со стороны окружающих. Было много музыки и много (летних) путешествий на всех видах тогдашнего транспорта. Во время одной из таких поездок, в Баку, я чуть не утонул. Мне не было тогда и трех лет, и сам я помню лишь, как меня переодевали, хотя помню себя (правда, лишь в спорадических эпизодах) сравнительно далеко: до полутора лет. Мое первое детское увлечение – это была астрономия, интерес к которой поддерживал отец. Мы с ним в зимние ночи подолгу стояли под звездным небом почти без слов. Он научил меня полной грудью вдыхать красоту и чистую мощь звездного неба. Возвращаясь в дом, я погружался в отображение космоса в музыке: мама чаще всего играла по вечерам. В детстве друзей у меня не было, если не считать трех собак, живших у нас во дворе. В реальном училище я учился не плохо и не отлично, был типичным четверочником. От общения с товарищами мои интересы изменились: в центре их стояли не звезды, а авиация, делавшая тогда свои первые шаги. По тогдашнему времени во мне невозможно было предположить гуманитария. Жизнь природы и техника занимали меня больше, чем что-либо иное. Религиозная жизнь для меня тогда была просто пустым местом. (В училище Закона Божия я не проходил, а ксендза в городе не было.) И тогда и теперь (правда, по-разному) я чрезвычайно рад тому, что никто не коснулся моего религиозного развития. Я был предоставлен вполне самому себе, и это – самое лучшее.

Около 14 лет я впервые сам осознал музыку, с которой крепко подружился на всю жизнь. Сразу же меня больше всего заняла инструментальная музыка. Я постепенно перебрал следующие инструменты (в хронологическом порядке): балалайка, гитара, рояль, контрабас, кларнет и медный баритон. Впоследствии к этому списку присоединились фисгармония, цитра, банджо и лютня. У меня было при этом больше склонности к созданию музыки, чем к исполнению. Я играл на многих инструментах, но на всех плохо и, как правило, при слушателях хуже, чем наедине. С самого же начала в центре моих музыкальных вкусов стоял Скрябин с такой определенностью, что бывали периоды, когда я был склонен думать, что музыка – это Скрябин, а остальное – более или менее скучный шум(5). Впоследствии я допустил в "музыку" и Баха, Корсакова, джаз. Вагнера я принял позже, но вполне. До признания опереточной музыки я никогда не падал. Ее не выношу до сих пор. Определенно не люблю Бетховена (он пугает, а мне не страшно), хотя вынужден признать его историческое значение. Скрябину было суждено сыграть в моей жизни не только музыкальную роль. Его искания идеального мира, стоящего над покровом реального, стали первой философской проблемой, занявшей меня навсегда. Через знакомство с его музыкой я впервые соприкоснулся с религией Индии и впервые принял в свое сознание мысль о неоднократности жизни. Годы самых интенсивных занятий музыкой и особенно Скрябиным совпадают с моим пребыванием на экономическом отделении Политехнического института, из которого я вынес (не окончив его) только две вещи: научно обоснованное знание, что экономистом мне никогда не быть, и умение дирижировать симфоническим оркестром.

К тому же времени относятся мои первые поэтические опыты. Им, правда, в моей жизни не суждено было сыграть крупной роли. Интерес к поэзии и развитие поэтического вкуса – это нечто вложенное в меня, а не исконно мое, как музыка. Если я что-нибудь понимаю в поэзии, то этим я обязан Л.А.Дельмас-Андреевой (Кармен в стихах Блока и героиня III тома его стихов), которой я обязан и многим другим: если бы не поддержка ее и П.З.Андреева(6), то я не знаю, как бы я прожил трудные годы голода. Не меньшее влияние на развитие моих поэтических вкусов оказала покойная Е.И.Васильева (Черубина де Габриак)(7), которая, более того, собственно сделала меня человеком. Несмотря на то, что

прошли уже годы с ее смерти, она продолжает быть центром моего сознания как морально творческий идеал человека.

Моя университетская жизнь сделана Вами(8) и Вам более, чем кому бы то ни было, обязана своим бытием и известна. Должен я сказать в дополнение к этому только то, что в период моих колебаний между Китаем и Индией решающим оказался Ваш внутренний образ, образ цельного человека в противоположность образу Ф.И.Щербатского(9), двойственность которого в науке и в жизни меня сильно шокировала. Потребовались годы для того, чтобы я выработал к нему терпимое отношение. В этой работе мне много помог Бус(10). История моих отношений к Бусу не понятна без учета еще одного слагаемого, без которого моя биография перестает быть моей и теряет всю правдивость.

В университете я познакомился с Е.Э.Бертельсом(11), от которого я впервые узнал об антропософии. Трудно найти подходящие слова для того, чтобы высказать, как велико значение антропософии в моей жизни. Это незаслуженный подарок от моего самого дорогого, самого любимого и самого прекрасного человека: Рудольфа Штейнера, без духовной поддержки которого моя жизнь давно бы кончилась физическим или моральным самоубийством. Понять всю сложность его учения, понять то, что он сообщил о Христе, мне помогла и своими знаниями, и личным примером Е.И.Васильева. Для этого мне пришлось на протяжении лет напрягать все свои внутренние силы, пришлось все время стремиться перерастать самого себя в области внутренней культурности, следить за собой непрестанно в отношении жизни, этики, эстетики и познания с максимальной требовательностью. К сожалению, должен признаться, что с этой стороны я не удовлетворен собою. Пусть во внешней жизни за мою любовь к Рудольфу Штейнеру я подвергаюсь репрессиям, презрению и т.д., но все это – мелочи по сравнению с тем, что я получил от него в дар: если мировоззрение человека можно ощутить как систему духовных координат, то в этой системе он помог мне найти ее центр: Христа. Бесконечно много еще потребуется работы для того, чтобы еще больше и глубже подвинуться в Его познании, пусть, несмотря на годы работы, сделано еще очень мало (ведь познание Его равносильно достижению всеведения, всемогущества, вселюбви), но все же познано самое главное: направление духовной жизни, известен центр координат.

Конечно, нет никакой возможности в нескольких словах изложить содержание антропософии, а тем более ее обоснование, ибо это – сложнейшее мировоззрение, доступное лишь многолетнему изучению и познанию в практике жизни, но все же, помимо указанного, необходимо еще указать на те убеждения, почерпнутые мною из антропософии, которые засвидетельствованы для меня всем моим собственным бытием: весь познаваемый мною мир реален, но по существу является лишь откровением лежащего в его основе мира духовных существ. В своем самосознании, там, где человек говорит себе самому "Я", он примыкает к этому миру духа, но исторически необходимое мощное воздействие чувственного восприятия временно заслоняет от него весь духовный мир, кроме самопознания. Границы рождения и смерти в настоящее время также ограничивают свободный взгляд на мир духа. Однако все эти границы не абсолютны и при соответствующей серьезной работе и подготовке сознания, сводящейся к его оздоровлению и укреплению, небывалому в обычной жизни, эти границы преодолимы. Признавая себя в своем бессмертном существе, человек приходит к познанию повторности жизней и к повторности законов их причинной связи, того, что в несколько упрощенном и банальном виде известно в буддизме под названием "карма". Эти законы в основном слагают историю человечества: на основании их Рудольф Штейнер указывал на критическую дату в развитии современности, на годы, начинающиеся 1935 годом, когда постепенно и для все большего количества подготовленных людей произойдет событие такой же важности, как Мистерия Голгофы, но на этот раз лишь в сфере самосознания, ибо физически Голгофа нигде и никогда не повторима. Христос был вторично распят человечеством духовно в тридцатых годах прошлого века. Как проявление этого возник материализм. Мы стоим на грани духовного воскресения Его в ближайшие годы. Так обстоит дело, которое искажено в

сторону материализации и банальности адвентистами и другими сектантами.

Признание этих данных накладывает на человека этические обязательства, несколько превышающие те, которые обычно признаются людьми. Исходя из них, можно прийти к желанию в каждом человеке активно искать то лучшее, что в нем есть. При этом отнюдь не следует закрывать глаза на недостатки, на зло, на ложь, но необходимо достигнуть умения видеть положительное так, чтобы отрицательное не мешало видеть и лучшие стороны наблюдаемого. Для гармонического душевного развития в этом отношении необходима также полная непредвзятость и сознательное владение своими мыслями, чувствами и волей, в которых, как правило, человек живет без полного отчета, инстинктивно. Эта душевная культура достигается длительной и планомерной работой над собой. Если принять во внимание всю недостаточность такого суммарного изложения того, что, собственно, можно вычитать лишь во всей полноте жизни, то все же в только что изложенных мыслях – вся основная суть моей духовной биографии. Исходя из такого настроения, я счел для себя обязательным воспитать в себе дружественное отношение, например, к Бусу, который, правду сказать, с первой же встречи был мне не приятен. Однако более чем 10 лет сознательной работы над собой принесли желательный результат: необходимое отношение воспитано.

Антропософия оказывает влияние и на мою научную жизнь: культура Китая содержит в себе наследие той поры в истории человечества, о которой греческий миф рассказывает как об Атлантиде. Это может показаться странным на первый взгляд, но это вполне убедительно, если брать это во всей полноте оккультной истории человечества. Как столетие тому назад европейское человечество получило наследие от Индии, древнейшей послееатлантической культуры, так мы стоим перед гранью, за которой должно быть дано наследство Атлантиды, сохраненное в китайской культуре (особенно в даосизме и отчасти в "Книге перемен"). Хотя не на всех людей это наследство будет действовать одинаково: на некоторых оно подействует ошеломляющим образом, иных охватит совсем и лишит их самостоятельности, на иных же оно подействует не отнимая от них того, что ими приобретено во времена после Атлантиды, и вызывая лишь заслуженное уважение и радость. Возможно при передаче этого наследства множество искажений, шарлатанства и т.п., и нужна для борьбы с этим злом полная и строго научная подготовленность, вся полнота академической науки в ее самом лучшем и самом строгом виде. Вот почему я по мере сил хочу добиться всего, что человеку доступно в этой строгой и беспристрастной академической науке. Хорошо ли я это делаю, судить не мне, а именно Вам.

Многое из того, что говорил Н.Я.Марр о самых ранних ступенях развития языков, иногда дословно повторяет то, что известно в антропософической литературе об Атлантиде. Яфетиды сильно напоминают позднейших атлантов. Последним периодом своей теории Н.Я.Марр несколько исказил более верную картину, очерченную им прежде. Поэтому и мое рвение к яфетической теории охладилось. Все же до сих пор я ощущаю искреннюю благодарность покойному за его гениальные догадки.

Исходя из антропософии, которая является чем-то большим, чем только мировоззрение, я допускаю возможность не одного, а целых 12 мировоззрений, среди которых и материализму отведено подобающее место(12). При этом эти 12 мировоззрений берутся не эклектически, а в их органической связи, как каждое из них вытекает из другого, являясь его развитием и дополнением. Материализм в современной теории квантов находит свое естественное продолжение и развитие, но в ней исчезает само реальное ощущение материи. По этой теории, в основе лежит число. Так материализм, если считаться не с ортодоксальной догмой, а с действительностью, перерастает в математизм. Но и последний должен иметь своей предпосылкой уверенность в том, что математическая рациональность отображает в себе рациональность самого мира. Мировоззрение, ставящее акцент на эту рациональность, уже не математизм, а рационализм. Но и он при дальнейшем развитии может быть приведен к понятию разумного идеала, правящего жизнью. Человек, живущий такими идеалами, будет уже последователем не рационализма, а идеализма, и при

дальнейшем развитии своих наблюдений над жизнью он может поставить в центре своего внимания душу человека как реальную носительницу этих идеалов. Тогда этот человек становится последователем мировоззрения, которое может быть названо психизмом. При более точной наблюдательности человек может найти в душевной жизни сущностное духовное ядро и усмотреть в нем основу мира и таким образом выработать свое мировоззрение, которое можно условно назвать пневматизмом. Отсюда уже недалеко к признанию в основе мира многих духовных существ, как они отражены, например, в учении гностиков или у Дионисия Ареопагита в учении о небесных иерархиях. Далее внимание может быть направлено не столько на их духовную сущность, сколько на их индивидуальность, на их замкнутость в самих себе. Так поступил, например, Лейбниц, создав свое учение о монадах. Но и монадизм, исходящий из спиритуализма, не абсолютно замкнут в самом себе. Для того, чтобы быть, каждая монада должна прежде всего проявить свою силу. Из этих сил, собственно, состоит вся ткань мира. Мир в основе своей является силой, говорит динамист и делает это при переходе от монадизма: как в буддийской теории дхарм, или делает это, как позднейший Ницше, видя силу прежде всего в ее проявлении: в реальных вещах. Полноценная акцентуация последних приводит к реализму. Но и реалист может поставить перед собой вопрос о том, что именно скрывается за реальными предметами. Ведь они видны нам как дискретные. Основа же мира не может быть дискретной, ибо в цельном мировоззрении мир может ощущаться лишь как единство. Тогда реалист будет вынужден за внешним явлением вещей предположить некую хотя бы и не познанную им сущность, а реальные предметы считать лишь проявлением ее. Так возникает мировоззрение, которое может быть названо феноменализмом. На путях скепсиса на смену этому мировоззрению приходит сенсуализм как признание невозможности усмотреть субстанцию. Это мировоззрение считается лишь с чувственными восприятиями и отрицает познаваемость чего бы то ни было, кроме них. Например, Мах думал так. Но марксисты, полемизируя с ним, указывали на материальную природу всех чувственных восприятий, переводя мировоззрение в сферу материализма. Так замыкается круг мировоззрений. Я принимаю положение Лейбница, что каждое мировоззрение право в своей положительной части, но не право, поскольку утверждает свою исключительную значимость. Я принимаю их все, но не механически, не в эклектике и синкретизме, а в их правильном органическом и своевременном приложении к жизни. От статики замкнутого мировоззрения я считаю необходимым переход к динамическому движению по всему кругу мировоззрений(13), которые в действительности осложняются еще различными оттенками познавательных настроений. Хотя это и несколько сложно, но и это только схема. Но признание такой подвижности мировоззрений делает меня иногда мало понятным людям. Однако это настолько проверено для меня в жизни, что отказаться от этого движения для меня значит солгать самому себе. В этом вся моя философия.

Кроме того, что уже указано, в моей жизни некоторую роль играла и живопись, но всегда лишь как нечто побочное и служебное. С некоторых пор живопись и скульптура (которой я тоже немного занимался) превратились, как я сам это ощущаю, в сознательное построение пластики человеческих отношений. Это – душевная скульптура, умение подойти к тому или другому человеку именно с той стороны своей души, которая лучше всего реагирует на душу другого человека, дало мне возможность создать подлинно дружеские отношения с некоторыми людьми. Дружественная связь с ними столь сильна, что, как показывает мой опыт в Японии, эту связь не нарушает ни время, ни пространство, а на примере с Е.И.Васильевой вижу, что и смерть не нарушает самого существа дружбы. Но как реален мир, как мысль художника требует своего воплощения, так и дружба с особой мощью проявляется тогда, когда можно сделать что-то реальное для друга, стоящего физически рядом. Особенно прекрасной дружба (моя наибольшая жизненная радость) становится тогда, когда ей резонирует ответное чувство человека иного по своему складу, вполне индивидуальному, но так же подходящего к проблеме дружбы, как к творчеству этически прекрасной душевной скульптуры. Такой полнейший резонанс дружбы я нахожу в

моей спутнице: Ирине(14).

В основном это самое важное в моей жизни. Остальное относится к моей внешней биографии дат и фактов. Может быть, написанное здесь – это психологический комментарий к ним. Но может быть и наоборот: все они (как и эта записка) – лишь отчасти верное отображение того существенного, о чем я косноязычно пытался написать, исполняя Вашу просьбу.

Примечания

1. В Архиве востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН сохранились рукописи нескольких романсов, музыку к которым написал Ю.К.Щуцкий. См. о них: Грякалова Н.Ю. Неизвестный инскрипт Блока. – Александр Блок: Исследования и материалы. Л., 1987, с. 235. В данной статье Н.Ю.Грякалова опубликовала ранее неизвестную дарственную надпись А.А.Блока на книге, свидетельствующую о его знакомстве с Ю.К. Щюцким.

2. Гэ Хун (284? – 364?) – знаменитый даосский философ, алхимик и медик, автор энциклопедического сочинения "Бао-пу-цзы" ("Мудрец, Охватывающий Первозданность"). Подробно см.: Торчинов Е.А. Основные направления эволюции даосизма в период Лю-чао (по материалам трактата Гэ Хуна "Бао-пу-цзы"). – Дао и даосизм в Китае. М., 1982, с. 60–79. Ван Шоу-жэнь (Ван Ян-мин, 1472–1529) – один из крупнейших неоконфуцианских философов. Подробно см.: Кобзев А.М. Учение Ван Ян-мина и классическая китайская философия. М., 1983.

3. Чжоу-цзы (Чжоу Дунь-и, 1017–1073) – основоположник неоконфуцианской философии. О нем см., например: Конрад Н.И. Запад и Восток. М., 1972, с. 178–182.

4. Яфетидология – лингвистическая теория ("новое учение о языке") Н.Я.Марра (1864/5–1934).

5. Точно такие же чувства пришлось испытать Б.Л.Пастернаку. В "Охранной грамоте" он вспоминал: "Больше всего на свете я любил музыку, больше всех в ней – Скрябина". Отмеченный Ю.К.Щуцким всепоглощающий эффект, производимый искусством великого композитора, Б.Л.Пастернак характеризовал как "опустошения, производимые его непередаваемой музыкой" (Пастернак Б.Л. Воздушные пути. М., 1982, с. 194, 196).

6. Л.А.Дельмас-Андреева (1884–1969) – оперная актриса, героиня цикла стихов А.А.Блока "Кармен". См. о ней, например: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн.3. М., 1982, с. 64–67 (Литературное наследство, Т.92). П.З.Андреев (1874–1950) – артист Императорских театров, певец (бас-баритон), народный артист СССР (1939 г.), муж Л.А.Дельмас-Андреевой. Ныне нам известно лишь одно сохранившееся оригинальное стихотворение Ю.К.Щуцкого, которое хранится в архиве П.З.Андреева и Л.А.Дельмас-Андреевой в Государственной публичной библиотеке им. М.Е.Салтыкова-Щедрина (ф. 1056, ед. хр. 517). Оно посвящено Л.А.Дельмас-Андреевой и датировано 4 ноября 1922 г. Знакомство с певицей могло произойти в Театре музыкальной драмы, где Ю.К.Щуцкий служил статистом, одновременно учась в Петроградском политехническом институте. Единственный дошедший до нас образец собственного поэтического творчества Ю.К.Щуцкого мы впервые публикуем здесь по копии, любезно предоставленной нам Н.Ю.Грякаловой.

Л.А.Д.

Между нами протекла река –
Мне к тебе нельзя придти никак.
На твоём далеком берегу
Я лишь башню разглядеть могу,
А на башне – днем и ночью ты
Посылаешь мне во след кресты.
Но с твоей протянутой руки,

Не кресты летят – а голубки.
Все равно: нельзя принять мне весть.
Я лишь памятник печальный здесь.
Так уж, видно, решено судьбой.
Чтобы мне не свидеться с тобой.
Но совсем нельзя тебя забыть:
Нас связала золотая нить...
Не объедешь и не отойдешь!..
Нож навстречу?.. – Ну, пойду на нож...
В сердце только боль, и боль, и боль,
Только слезы, как морская соль, –
И к тебе нельзя придти никак:
Между нами протекла река.
4.XI.22 Юлиан

Под текстом приписка рукой Л.А.Дельмас-Андреевой: "Ю.Щуцкий – переводчик китайской лирики".

7. Е.И.Васильева (Дмитриева, Черубина де. Габриак, 1887–1928) – поэт-философ трагической судьбы, по определению А.Н.Толстого, "одна из самых фантастических и печальных фигур в русской литературе". Высланная в Екатеринодар как дворянка, в 1922 г. она вернулась в Петроград, где и познакомилась с Ю.К.Щуцким. Помимо увлечения поэзией, музыкой и живописью основой их сближения стала приверженность к антропософии. Е.И.Васильева была Garant'ом Антропософского общества в России, получив этот титул от самого Р.Штейнера. В одном из стихотворений, посвященных Ю.К.Щуцкому, она написала: "Ты своею душой голубиной // Навсегда затворился в скиту" (1924 г.?) и свое отношение к нему выражала словами: "В мою жизнь пришла любовь" (письмо М.Волошину от 3 июля 1923 г.). В 1926 г. Е.И.Васильева поступила на работу в Библиотеку АН СССР (Ленинград), однако уже в 1927 г. из-за принадлежности к Антропософскому обществу была этапом сослана в Ташкент, где и скончалась в конце следующего года. В изгнании в 1927 г. ее посетил Ю.К.Щуцкий, проведший в Ташкенте месяц. Результатом этой встречи явилось создание Е.И.Васильевой цикла стихотворений "Домик под грушевым деревом", стилизованного под китайскую поэзию и приписанного китайскому поэту Ли Сян-цзы. Это китаизированное имя для Е.И.Васильевой придумал Ю.К.Щуцкий. С одной стороны, оно фонетически соответствует ее имени – Елизавета (Елисавета), с другой – семантически отражает реальную ситуацию ее проживания в Ташкенте в домике под грушевым деревом: в переводе с китайского Ли Сян-цзы буквально означает "Философ Грушевого Флигеля". Подробно о взаимоотношениях Е.И.Васильевой и Ю.К.Щуцкого см. вышеуказанную публикацию Н.Ю.Грякаловой (Русская литература. 1988, №4, с. 200–205). "Домик под грушевым деревом", в написании стилизованного прозаического предисловия к которому участвовал Ю.К.Щуцкий, издан в собрании произведений Е.И.Васильевой и материалов о ней: Елис. Васильева. "Две вещи в мире для меня всегда были самыми святыми: стихи и любовь". – Новый мир. 1988, №12, с. 132–170.

8. Имеется в виду В.М.Алексеев.

9. Академик Ф.И.Щербатской один из крупнейших отечественных востоковедов, индолог и тибетолог. Подробно о нем см.: Бонгард-Левин Г.М. Предисловие. Семичов Б.В., Зелинский А.Н. Академик Федор Ипполитович Щербатской. – Щербатской Ф.И. Избранные труды по буддизму. М., 1988, с. 3–51.

10. Фра Бус – шуточное прозвище Б.А.Васильева, однокашника и коллеги Ю.К.Щуцкого. Подробно о нем см.: Петров В.В. Научно-педагогическая деятельность Б.А.Васильева (1899–1946). – Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Л., 1965, с. 71–73.

11. Член-корреспондент АН СССР Е.Э.Бертельс (1890–1957) – видный исследователь персидско-таджикской литературы и суфизма. Антропософ. См. о нем: Болдырев А.Н.

Научное наследие Евгения Эдуардовича Бертельса. Бертельс Е.Э. Избранные труды: История персидско-таджикской литературы. М., 1960, с. 9–15.

12. Ср. определение другого русского антропософа – А.Белого: "У Штейнера – диалектика мировоззрений" (Белый А. Почему я стал символистом. Ann Arbor (Mich.), 1982, с. 75).

13. Ср. приводимые А.Белым "лозунги" Р.Штейнера: "Истинное есть всегда индивидуально истинное; истину познают лишь в ее восстании в индивидууме" и формулу антропософского принципа: "Надо выйти из мировоззрения в их круг" (Белый А. Указ. соч., с. 74).

14. Ирина – жена Ю.К.Щуцкого Ирина Дмитриевна Щуцкая (до замужества – Алексеева, ум. в 1954 г.).